

Руслан Белов

Кол Будды

Руслан Альбертович Белов

Кол Будды

Обновленная версия, присланная автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151469

Аннотация

Идет герой по берегу Черного моря и раз за разом попадает в истории. Опасные, весьма опасные и безвыходные. Но продолжает идти. Почему? Может быть, потому что в рюкзаке его прячется стальной кол, к которому сам Будда когда-то привязывал своего коня?

Содержание

1.	4
2.	8
3.	13
4.	15
5.	22
6.	49
7.	53
8.	57
9.	60
10.	61
11.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Кол будды

Руслан Белов

1.

Еще зимой Евгений Евгеньевич Смирнов решил пройти по черноморскому побережью от "А" до "Я", то есть от Адлера до Ялты без палатки и спального мешка. Наверное, на это предприятие, странное для старшего научного сотрудника солидного института, его толкнула тоска по прежней жизни, а также затаенная надежда встретить Свету, собиравшуюся летом отдохнуть на побережье где-то в районе Архипо-Осиповки.

К начальной точке маршрута поезд прибыл в середине дня; город был так себе, побережье, перечеркнутое железной дорогой, тоже, и Смирнов, не долго думая, сел на электричку и поехал в Туапсе.

День стоял жаркий, градусов под тридцать, если не больше, заманчивое море синело рядом, и в Чемитокважде он сошел. Поплавав и полежав потом под солнцем, расслабился и решил дальше не идти, а остаться ночевать. Все вокруг располагало к себе – и горы, кудрявившиеся ярким лесом, и безоблачное небо, и подкупающий шелест прибоя. Беспокойство вызывала лишь узкая черная туча на горизонте, вре-

мя от времени оживлявшаяся всполохами молний. Однако "Изабелла", купленная в Адлере на рынке, была замечательной, а из парной телятины, приобретенной там же, обещали получиться замечательные шашлыки, и Смирнов решил не волноваться. Поев и опустошив бутылку, он вырыл в галечнике углубление, по профилю соответствовавшее рельефу спины, застелил его одеялом, улегся удобнее и стал смотреть на лунную дорожку. Таинственно блестя, живое небесное серебро тянулось к берегу по сонной темени спокойного моря. Ему, земному и зарывшемуся в землю, захотелось что-то сочинить, блеснуть мыслью, как дорожка, и он придумал, что если бы рядом сидел человек, пусть даже бок об бок сидел, то он видел бы не дорожку Смирнова, а свою, единственную и неповторимую, тянущуюся не куда-нибудь, а к его собственным глазам. Сочинив по этому поводу эгоистическую фразу "Лунная дорожка у каждого своя", он дождался падения звезды, загадал, чтобы у него с дочерью было все хорошо, и уснул.

Буря началась в третьем часу ночи. Вмиг разбуженный наскочившим ливнем, он вытянул из-под себя пленку, укрылся, уселся на рюкзак и стал неприязненно смотреть на распоясавшуюся природу.

Небесная влага лилась сплошным потоком.

От ярившихся молний было светло, море свирепело.

Когда взбесившиеся его волны рычали у самых ног, сверху, с волноотбойной стенки им пришла подмога – хилень-

кий, но сель. По наущению отца-ливня, он сорвал с жертвы пленку, огрел песком и гравием, охладил и вымочил с головы до ног.

Молнии взорвались громом аплодисментов.

"Бис! Бис!" – засвистел ветер.

Смирнов испугался. Холодная дрожь затрясла растерявшееся тело.

"Что делать? – сжался он в промозглый и противный самому себе комок. – Бежать? Куда? Нет, надо терпеть... Не сахарный, не растворюсь. Вот только бы молнией не шибануло".

Терпеть и мокнуть пришлось вечность. Лишь под утро опустошенная ливневая туча подалась к востоку, и небо поблекло. Однако ненадолго – через полчаса приползла другая небесная цистерна, и все началось с начала...

Только к рассвету дождь истощился до мороси, и Смирнов, изможденный и мокрый до нитки, кое-как выжался, собрал рюкзак и, метров двести протащившись с ним, сочившимся влагой, обнаружил, что мучился рядом с уютным поселком под названием Каткова Щель, в котором на каждом доме куksились пропитанные пессимизмом фанерки с одной и той же надписью "Сдается комната".

Через пятнадцать минут в пятидесяти метрах от моря за семьдесят рублей в сутки он снял у семьи измученных жизнью алкоголиков летнее строение. Комнатка, перед входом в которую лежала новехонькая могильная плита в форме ко-

сого паруса, была крохотной; в ней пахло сыростью и мышами. Ему и в голову не пришло поискать что-нибудь другое – сверху не течет, ну и ладно.

Солнце выглянуло только через три дня, и он, уставший спать и уютиться, уехал на электричке в Туапсе. Накупив там продуктов на пару дней, пошел к Ялте, каждый день проходя километров по пятнадцать-двадцать. Или по пять, если не шлось.

2.

– Интересно, какая она? – задумался Олег, отведя глаза от смягчившегося за ночь лица Галочки. – Какая? Никто этого не знает, никто, кроме ее самой. Да, кроме ее самой. Потому что когда ты с ней, глаза перестают видеть.

...А этот Карэн – голова. Толковый мужик. Всего лишь за год выстроил красавец-отель у самого моря. Лучший в Анапе. Настоящий дворец в шесть этажей, чем-то похожий на корабль, мчащийся на всех парусах. И название сочинил неплохое и в масть – "Вега-плюс". Номера – от грошовых до президентских. И в каждом – постоянная хозяйка. Это он так придумал – номера с постоянными хозяйками. Платишь деньги и получаешь семью, можно даже с премиленьким ребеночком, который будет называть тебя папочкой и которого можно шлепать по заднице и ставить в угол. И с тещу с тестем можно заказать на субботу. "Ах, сыночек, дай же я тебя поцелую!" "Ах, мамочка, как рад я вас видеть!"

И все ведь по жизни устроил. В грошовом номере кровать скрипит и так себе шлюшка блинчики на соевом масле жарит, а в президентском – королева, рядом с которой любой плюгавенький мужчинка чувствует себя греческим богом. Плюгавенький мужчинка с президентским кошельком. И, что интересно, на круг любая семья получается дешевле, чем такая же через ЗАГС.

Олег остановил взгляд на стройной ножке Галочки, выскользнувшей из-под одеяла. Он не сразу выбрал ее двухсот-долларовый номер. Мог бы, конечно, потянуть и на королеву за тысячу баксов, но сейчас ему это не надо. Так сказал Карэн, старый приятель. Он все про всех знает. А у этой Галочки премиленькая девочка. По сценарию, выбранному Олегом, она гостит у бабушки в Керчи. И по этому сценарию Галочка каждое утро за завтраком произносит, вздыхая и морща носик:

– Скорее бы приехала наша Катенька... Мне так не хватает ее смеха...

А он, отложив газету, отвечает:

– Я ей вчера звонил, и она сказала, что ей хорошо с бабушкой. Они купаются каждый день и потом ходят в горы собирать цветы. И что у нее появилась подружка Лена, которую она очень любит.

А позавчера он неожиданно для себя пообещал "супруге":

– На днях я за ней поеду, привезу, и мы во внутреннем дворике "Веги" устроим детский праздник с огромным тортом-мороженым, а потом поедем кататься по городу на пони.

Галочка на это захлопала в ладоши, захлопала, хорошо зная, что дочь живет в детприемнике "Веги", расположенном двумя этажами ниже.

Олег отвел глаза от ножки любовницы и, растворившись в потолке, украшенном искусной лепниной, вновь задумался о насущном:

– Какая же, все-таки, эта Смерть? Эта Смерть, с которой я увижусь в конце августа? И не в конце, а точно тридцатого первого, в середине дня, и не где-нибудь, а здесь, в "Веге-плюс". Увижусь, чтобы умереть вместе с ней. Что она такое? Просто символ конца? Надуманный символ? Альтер эго, второе Я? Или это действительно нечто, имеющее реальную власть? Ведь говорят же "Все ей подвластно"? И еще говорят: "Он ее обманул". Значит, ее можно провести? Или купить?

Нет, нельзя. Как ее проведешь, как купишь, если она невидима и убивает руками людей, вирусами, сахаром в крови и тромбами в венах? И часто использует случай. И еще вопрос: она одна или их много? У каждого своя?

В семь лет Смерть показалась ему мельком. Взбешенный отец хотел сбросить его с третьего этажа. Оказавшись над бездной, Олег увидел свой конец в образе скорого поезда, мчащегося от черного асфальта в бесконечно равнодушное небо. Мать успела вцепиться в сына, отец ударил ее локтем и остыл.

Олег остался жив, но в скором поезде Смерти его место не осталось пустым. С тех пор он чувствовал, что сидит в нём не живой и не мертвый, сидит и мчится от черной земли к голубому небу. Мчится и мчится.

Год назад на шоссе его машина снесла стальной столб рекламного флага. Снесла, на секунду превратившись в этот самый скорый поезд.

Брат, сидевший рядом, погиб мгновенно. А он даже не поцарапался. Но долго чувствовал, остро чувствовал, что Смерть везде, что она обхватила его привязными ремнями, чувствовал, что она мертво держит его за горло, и рука ее тянется из самого Олега, тянется из сердца.

Несколько дней он ходил сам не свой, а потом, решив, что Смерть просто требует жертвы за спасение, требует возмещения, привел одного человека, шахтера из Воркуты, в подвал своего дома.

Это было в Кисловодске. Человек был бледен и до смешного костляв. Звали его Варфоломей Степанович. Он не освободил Олега от страшной хватки, но помог кое-что понять.

Оказалось, что скорый поезд, мчащийся от земли к небу – это всего лишь предчувствие Смерти. И что, она сама, скорее всего, у каждого своя. И если подопечный ее умирает, умирает и Смерть. А если умирает она – умирает подопечный. Умирает как земной человек.

Выпустив из жертвы кровь, он почувствовал себя необыкновенно живым. И тут Варфоломей Степанович, бледный, почти неживой, неожиданно воспрянул и задушил его. Нет, смерть этого шахтера задушила смерть Олега. Так ему показалось, перед тем, как он увидел себя в замкнутом темно-се-

ром пространстве.

Темно-серым было все вокруг. Таким одинаково темно-серым, что ничего не различалось. И сам он был темно-серым. Лицо было темно-серым, руки. Все было темно-серым. Он чувствовал свои пальцы, но увидеть их на темно-сером фоне не мог.

А рядом была Она. Тоже темно-серая. Она тоже умирала. Олег пытался рассмотреть ее, свое второе Я, свою половину, пытался приблизиться, помочь. У него получилось. Не сразу, но получилось. Как только его живые еще пальцы на мгновение прикоснулись к ее мертвенно холодным перстам, появился свет.

Его включил двоюродный племянник. Обнаружив дядю в подвале, он сделал ему искусственное дыхание и отвез в реанимацию.

Если бы не он... Если бы не это прикосновение.

3.

Километрах в четырех от Архипо-Осиповки Смирнов остановился. Приютившая его щель называлась Змеиной; на левом ее борту на нескольких площадках, зависших высоко над морем, обитали среди сосен четыре амазонки возрастом от трех до семидесяти лет. Их возглавлял худощавый и степенный молодой человек – отец, муж и зять в одном лице. К пляжу и обратно они перемещались при помощи канатов (в том числе и трехлетняя девочка). Обросшего, небритого и беспалаточного новосела дикая семейка приняла настороженно, но тот этому не огорчился – мысли его были заняты Светой. Он воочию видел ее там, на архипо-осиповском пляже. Всего в часе ходьбы, всего в нескольких километрах...

Он видел ее глаза. Появится в них что-то теплое, когда он встанет перед ней? Или они недовольно сузятся?

Он видел ее руки. Нет, они не потянутся к нему. Они сожмутся в кулаки.

Он видел себя стоящим за балюстрадой и не решающимся подойти.

Наутро он побрился, оделся в чистое и пошел в поселок. Проник в него как разведчик, как партизан. Он двигался, глядя в каждое лицо, в каждое тело. И увидел Свету и сына ее, Рому, оставшись ими незамеченным. Они, дочер-на загорелые, лежали на белых пластмассовых лежаках и по-

лусонно читали. Она – Луизу Хей, известную учительницу жить легко, он – Гарри Поттера. Между ними лежала колода карт "таро".

Подойти не получилось. Из-за карт. Увидев их, он услышал свой внутренний голос, нет, голос карт:

– Не суйся. На сегодня мы нагадали ей N из соседнего пансионата".

Купив в поселке вина и продуктов, он вернулся в щель. В обед, когда сидел на берегу, чиня "резинку" – рыболовную снасть – подошла старшая амазонка. Они поговорили, и Смирнов узнал, что сидеть в этой щели, сидеть ежегодно, ее семейство начало с конца сороковых годов.

Утром его вновь потянуло в поселок.

Света и Рома лежали на пластмассовых лежаках и читали. Луизу Хей – известную учительницу жить легко – и просто и Гарри Поттера. Между ними стояла бутылка "Клинского".

Он попил пива с чебуреками, купил арбуз, забыл на прилавке кошелек, вернулся за ним (отдали!), посмотрел в Интернете почту и совершенно довольный отправился в Змеиную Щель.

На следующий день, ближе к обеду, Он проходил Архипо-Осиповку в полной выкладке. Света и Рома дремали на лежаках. Между ними лежали на песке две пустые пивные бутылки.

4.

Галочка готовила "фирменный" омлет с парной телятиной и говорила по телефону с Натальей Владимировной из восьмого номера (за сто пятьдесят баксов в сутки), когда пришел Карэн. Пришел с плохой новостью, Олег это почувствовал по улыбке номер семь.

У Карэна было семь улыбок, он иногда показывал их в "своих" компаниях, и седьмая была самой нехорошей.

Они вышли на балкон покурить. Погода колебалась на грани ясно – облачно, то дул неприятный ветерок, заставлявший Олега запахивать халат с огнедышащими драконами, то выглядывало солнце, и становилось тепло, и хотелось улыбаться.

Карэн закурил ментоловый "Вог". Обитатель номера с Галочкой по утрам курил легкий "Мальборо". Появившееся после первой затяжки солнце согрело его красивое лицо, и он улыбнулся.

Карэн ткнул ему пальцем в живот.

– А ты молодец!

Олег поморщился. Он не любил фамильярности.

– Почему это?

– Хорошо держишься...

– Слушай, ты что пришел? Если сказать что-то – говори, не тяни.

Поднявшийся ветерок заставил Олега запахнуть халат, неделю назад подаренный Галочкой на день рождения (вообще-то, по гороскопу он был Козерог, не Лев, но захотелось праздника, и праздновал весь отель).

– Вчера на обеде у Гриши Напалкова я видел Георгия Капанадзе. Он не верит, что ты с ним считаешься тридцать первого. И пригласил всех присутствующих...

– К тебе в гостиную? Я, кажется, слышал об этом на базе... От торговки семечками...

Карэн не улыбнулся.

– Да, пригласил. И пригласил ко мне в гостиную.

– А! Вот в чем дело... Ты боишься, что я предприму что-нибудь и тем потревожу твоих постояльцев? – сообразил Олег.

– Да, дорогой, – улыбнулся Карэн улыбкой номер шесть, уныло-грустной. – Ты хоть и болгарин по отцу, но ведь по матери наш, кавказский... Короче, я не хочу, чтобы один из твоих двоюродных или троюродных братьев подумал, что я в этом деле как-то замешан и...

Олег взглядом вдавил глаза Карэна в черепную коробку.

– А ты не замешан?

Карэн заулыбался третьей улыбкой, шутливо-плутовской:

– Только географически, дорогой, только географически. Только потому, что ваша разборка, невзирая на мою волю, произойдет в "Веге".

Олег отвел глаза на море. И вновь ощутил себя сидящим

в скором поезде. Он мчался от земли к небу.

– Хорошо, я оставлю записку.

– Оставь, дорогой, оставь. И напиши в четырех экземплярах. Ведь, насколько я знаю, тридцать первого придет не только Георгий Капанадзе...

– Да, тридцать первого я также должен рассчитаться с Гогой Красным и Владимиром Ивановичем Напалковым. И еще предоставить один документ Дементьеву. Никогда не существовавший в природе документ.

– Ты нарочно, что ли, всех в один день решил собрать?

– Да... – хохотнул Олег. – Помнишь "Трех мушкетеров"? Как д'Артаньян назначил дуэли Атосу, Портосу и Арамису? И, когда они явились на место, извинился перед двумя из них, не помню уж перед кем, на тот случай, если погибнет в первой дуэли и по этой причине, не сможет их удовлетворить.

Хозяин "Веги" посмотрел с симпатией. Ему, раздавшемуся и неряшливому на вид, спортивный, со вкусом одетый и аристократичный Олег нравился.

– А ты чем-то похож на д'Артаньяна, – заулыбался он улыбкой номер один (благодушной и располагающей к доверию). – И потому я боюсь, что ты со своими мушкетерами устроишь в отеле побоище, совершенно для тебя бесперспективное. У меня волосы дыбом становятся, когда я представляю, как ты бьешься с Георгием и потом бросаешь его в мой новый аквариум за три тысячи баксов, бросаешь к мо-

им пираньям по тысяче за дюжину. И как Гога с бельэтажа сбрасывает на тебя секретер Людовика Четырнадцатого за пятнадцать штука. И как этот Сидоров из ОМОНа палит из подствольного гранатомета и попадает в Сезанна или Малявина, сорок тысяч за пару. И потому умоляю, не надо Сидорова из ОМОНа. Мне милиция в отеле не нужна, ты хорошо это знаешь. Я дорожу его репутацией, больше чем репутацией супруги...

Олег положил ему руку на плечо. Плечо подалось к ней, и он ее убрал.

– Знаешь, Карэн, ты мне друг, верный друг, и много раз доказывал это. И я тебе обещаю, что никакой стрельбы и драк устраивать в отеле не буду. И знаешь почему? Просто, я подумал, подумал и понял, хорошо понял, что шансов у меня нет никаких. Прикончить их можно только всех сразу, а это практически невозможно...

– Да, это так. Гога говорил, что если с головы Георгия упадет хоть один волос, то тебе конец без всяких разбирательств... И говорил это ему самому. А Капанадзе в ответ заверил Гогу в аналогичном отношении к его шевелюре.

– И смыться у меня не получится, – продолжал Олег. – Они меня на Соломоновых островах найдут... И еще... Ты ведь меня знаешь, я не смогу жить в подполье, как жалкий трус. И не хочу, чтобы моих родственников попрекали мною. И потому тридцать первого днем я спущусь к ним, и будь, что будет. Может, выскользну, вывезет кривая.

– Ты не все знаешь, дорогой... Они ведь уже все продумали... Капанадзе говорил, что тридцать первого тебя ждет, не дождется целый хирургический спектакль со стриптизом, однополой любовью и какой-то там пальмой в трагическом финале.

– Ладно, молчи, – нахмурился Олег.

– Да нет уж, выслушай. Я ведь добра тебе желаю.

– Добра, добра... Что там у тебя?

– Ну, я подумал, может, ты...

– Застрелюсь?

– Ну, зачем стреляться! Кровь на коврах, мозги на обоях, фи, – брезгливо скривился Карэн. – Можно ведь цианистым калием обойтись. Я Галочку попрошу, и как-нибудь утром ты просто не проснешься. Это так здорово! Засыпаешь, счастливый, дочку кудрявую перед сном целуешь, с женой распрекрасной спишь, а утром уже по месту назначения, целый и красивый. Кстати, знаешь, королева Зиночка из суперлюкса развелась? Саша Сухарек вчера от нее съехал. Хочешь ее в жены? По Галочкиной расценке?

– Не хочу, – Олег увидел себя в гробу. Поморщился.

– Почему, дорогой!?! Она такая конфетка...

Карен зацокал языком.

– Я этого Сухарька видел, и в постели своей его, гнусавого и кривого, представлять не желаю.

– Много в тебе, Олег, еще воображения. Воображение, оно должно быть как в аптеке – столько-то миллиграммов –

и все. Если его меньше, то человек – пень, если больше – то дерево.

– Как это дерево?

– А ты не видел, как на ветру ломаются разросшиеся деревья? Вон, посмотри, – Карэн указал на клен, сваленный недавней бурей. Он, выпустив из земли ошарашенные корни, топил в море ставшую ненужной крону. – А рядом, смотри, нормальное, среднее по всем статьям, ему буря до лампочки.

– Сам ты дерево, – осклабился Олег, забыв о неприятностях. – Только человек с воображением мог придумать такое сравнение.

Они засмеялись. Затем Карэн вытер выступившие слезы и, доверительно заглянув в глаза, спросил:

– Так мне попросить Галочку?

– Не надо, – покачал головой Олег. – Капанадзе и его товарищам это может не понравиться, и крайним выставят тебя. Да и до тридцать первого почти целый месяц, проживу пока в свое удовольствие.

– Да, ты умеешь жить в кайф... – завистливо вздохнул Карэн. Твой месяц – для меня десять лет.

Они помолчали, рассматривая небо, не сулившее ничего хорошего.

– А что, ты и в самом деле не сможешь с ними рассчитаться? – спросил владелец отеля, огорченно покачав головой: нет погоды – нет постояльцев.

– Почему не смогу? Смогу, если к моим ногам упадет зо-

лотой метеорит размером с деда Мороза.

– Послушай, может, тебе переехать в другой отель? Ты ведь счастливчик, и потому он точно упадет, а зачем мне на "Вегу" это надо?

Смеясь, Олег похлопал Карэна по плечу, и они вернулись в дом.

5.

Когда до Бетты осталось километров десять, под большим пальцем левой ноги появился волдырь, а на внутренней поверхности бедер – болезненная потница. К тому же третий день ломила правая ступня, когда-то разбитая камнем, упавшим с кровли одной из заброшенных ягнобских штолен. И Смирнов решил на пару дней остановиться.

Присмотрев место рядом со скалой, под которой можно было укрыться в случае дождя, он сел на камень, вытер пятерней пот и принялся вспоминать, сколько же дней назад высадился в Адлере. Вышло, что с начала дурацкого путешествия прошла всего неделя, а не месяц, как казалось.

С трудом скинув рюкзак, кроссовки, майку, он погрузился в воду у самого берега, выбрался на глубину. И увидел в расщелине большого краба – такие (диаметром с футбольный мяч), – ему еще не попадались. Собравшись, нырнул, попытался его схватить, но тот оказался проворнее. Расстроившись, поплыл к берегу за маской и ластами, кляня себя, что не надел их сразу.

Первый краб попался сразу. Схватив раззяву за туловище, Смирнов продавил его панцирь пальцами и сунул в полиэтиленовый пакетик, до того лежавший в плавках. Второй краб – большой, с десертную тарелку – схватил Смирнова первым. Схватил за указательный палец. Тот стал двуцвет-

ным. Та часть, которую краб тщился откусить, стала синей.

– А если откусит!?! – испугался Смирнов и, продолжая попытки раздавить краба, попытался себя успокоить:

– Чепуха! Палец – это не пиписка.

Панцирь не продавливался, как он не старался. Синева пальца становилась мертвенной.

"Откусит ведь! А если камнем?"

Камень нашелся, и гигант тотчас получил телесные повреждения, несовместимые с жизнью.

На пути к берегу попался третий краб. Меньше всех. Но тоже ничего.

Через пятнадцать минут все они варились в закопченной алюминиевой кастрюльке.

– Вы будете их есть?! – присев на корточки, спросил сухощавый мужчина с алюминиевым крестиком на массивной золотой цепочке.

– Нет, я их для вас готовлю, – буркнул Смирнов, продолжая смотреть, как из ранки на пальце сочится кровь.

– Он вас укусил? – не обидевшись, поинтересовался мужчина, с уважением озирая шрамы и операционные швы, бороздившие торс собеседника.

– Он не кусал... Он просто пожал мне руку.

– И сделал это слишком крепко?

– Да.

– А вы по-дружески хлопнули его по плечу и тоже не рассчитали сил?

– Так получилось. Теперь я буду вынужден его съесть...

Его, а также супругу и сына-оболтуса.

– Почему вынужден?

– Такой у нас был договор...

Смирнов почувствовал, что попал в тупик. Какой договор? Договор с крабами? Что он ляпнул? Теперь выкручивайся...

– Меня зовут Роман Аркадьевич, я из Вятки, – разрядил ситуацию мужчина. – А вы откуда, если не секрет?

Голубые его глаза были доверчиво-добрыми, как у искренне верующих людей. "Алюминиевый крестик остался ему от матери. А цепочку подарила жена" – подумал Смирнов и ответил

– Я – Евгений Евгеньевич, из Москвы. Вятские – мужики хватские, столь семеро не заработают, столь один пропьет?

– Я уже год не пью, закодировался. А вы кем работаете, если не секрет? Не в охранном бюро?

– Почему вы так решили?

– У вас столько шрамов...

– Ну и что?

– В охранное бюро идут повоевавшие люди. А вы, судя по всему, воевали.

– Нет, в охранное бюро меня не взяли, как не просился...

Вода почти выкипела, однако крабы покраснели не полностью, и Смирнову пришлось сходить с кружкой к морю. Подлив воды, он по возможности дружелюбно посмотрел на

общительного вятича и сказал:

– Я старший научный сотрудник Лаборатории короткохвостых раков Института морской биолингвистики Российской Академии Наук.

– Интересно... – проговорил мужчина с уважением, – А биолингвистика это, извините, куда?

– Это наука, изучающая язык животных... Наибольшего успеха она добилась в изучении языков обитателей моря.

– Слышал что-то о языке дельфинов. А вы, значит, раками занимаетесь...

– Не раками вообще, а короткохвостыми раками. В народе их еще крабами зовут.

– А как сокращенно ваш институт называется? Может, слышал? Я в Москве часто бываю.

– Он не называется. У него номер, – Смирнов уже забыл, что "работает" в Институте морской биолингвистики.

– Не понял?

– "Почтовый ящик" знаете что такое?

– Ну... Завод секретный. Я на таком работаю.

– Так вот, наш институт тоже секретным был...

– Почему был?

– После перестройки большинство наших сотрудников эмигрировало в США. Многие из них сейчас живут и работают в Кремниевой долине... Есть будете?

– А в них заразы никакой нет?

– Не знаю... Пока не знаю. Ну так будете?

– А вы?

– Интересный вы человек! Чтобы я вареного краба выбросил.

Вспомнив случай по теме, он улыбнулся:

– Знаете, я как-то телевизионный фильм для начинающих рыболовов видел. В нем бывалые рыбаки на Москве-реке вот таких вот рыбин ловили (Смирнов отмерил руку по локоть). Ловили, и по причине их геохимической родственности нижней части периодической системы Менделеева назад в воду выбрасывали.

– Это понятно... Кому охота травиться.

– Что же понятного? Они же не рыбу выбрасывали, это я оговорился, они же из нее сначала показательную уху варили и уже ее в воду выливали!

– Москвичи – это москвичи... Чудной народ...

Евгений Евгеньевич, покивав, отломил клешню у большого краба, несильно по ней булыжником и, вынув мясо, принялся есть. Когда он, воодушевленный вкусом, принялся за вторую клешню, Роман Аркадьевич не выдержал искуса и, достав из миски меньшего краба, принялся повторять действия Смирнова, не переставая, впрочем, задавать вопросы.

– А что ваши бывшие сотрудники в Кремниевой долине делают? Там же, насколько я знаю, одни компьютерщики работают?

– Понимаете... Ну, как бы вам сказать... Знаете, однажды в восьмидесятом я посидел в Ленинграде в ресторане

"Кавказский" с одним пьяным финном, так потом целый год научной работой заниматься не мог – все объяснительные записки особистам писал. На Лубянку раз пять вызывали, спрашивали, почему на контакт с иностранцем пошел.

– Так это же тогда...

– Страх, знаете, остался... Ну ладно, слушайте. В общем, в нашем институте изучали способы, которыми животные передают друг другу информацию. К тому времени стало ясно, что навешивать на крыс, мышей и тараканов микрокамеры и микрофоны бесполезно. Контрразведки научились выявлять "жучков" на бионосителях...

– И вы стали искать способы, как заставить мышей, тараканов, крыс, а также короткохвостых раков рассказывать дрессировщикам, что они видели в американском посольстве? – усмехнулся Роман Аркадьевич, решив, что собеседник его разыгрывает.

– Совершенно верно, – пристально посмотрел Смирнов. – Дело в том, что память многих животных не отягощена сознанием. Вот почему человек так трудно все запоминает? Потому, что сам себе мешает! Намеренно мешает, сознанием мешает! Эволюция сделала так, что человек вынужден напрягаться и сосредотачиваться, чтобы запомнить что-то. А если бы он не был отягощен сознанием, то запоминал бы все на свете! Вы понимаете – все! И на всю жизнь! Номера билетов на "Королеву бензоколонки" с Румянцевой в главной роли, количество досок на бабушкином заборе, содер-

жание всех прочитанных книг, даже все, что ему когда-либо говорили.

– Я об этом где-то читал... Так вы считаете, что животные, не отягощенные сознанием, все запоминают?...

– Не все, но некоторые.

– Какие?

– Это государственная тайна. У вас по какой форме допуск?

– По третьей был.

– Мало!

– Я догадываюсь, что это короткохвостые раки...

Смирнов оглянулся по сторонам. Никого поблизости не было.

– Да, короткохвостые раки, – понизил он голос. – Если вы об этом кому-нибудь расскажете, то нанесете этим ущерб государственной безопасности России. Вы понимаете, какая ответственность теперь на вас лежит?

– Вы шутите. Я никак не могу поверить... – признался Роман Аркадьевич.

– Конечно, шучу. Наши бывшие научные сотрудники, точнее, те из них, которые в настоящее время работают в Кремниевой долине, рассказали цэрэушникам о короткохвостых раках в первую голову.

– Так что же раки? Неужели они все запоминают?

– Да. Один короткохвостый рак, его звали Евгений Николаевич Тринадцать Два Нуля Тире Восемьдесят Шесть

Дробь Один-младший, с первого раза запомнил последовательность нулей и единиц длиной в сто пятьдесят миллионов пятьдесят три, нет, триста шестьдесят три тысячи девятьсот семьдесят восемь цифр. Его подруга Эльвира Яковлевна Бэ Эн отсканировала выразительными глазками и запомнила рядовыми, надо сказать, мозгами, картину Карла Брюллова "Гибель Помпеи" с разрешением 300 ди пи ай. Вы знаете, что такое 300 ди пи ай? Это триста точек на дюйм или два с половиной сантиметра! Вы не понимаете, что это такое! Размеры этой картины примерно шесть с половиной метров на три с половиной. Или сто восемьдесят на двести пятьдесят... да, двести пятьдесят шесть дюймов. Из этого получается, что Эльвира Бэ Эн запомнила координаты и цветовые характеристики более чем четырех миллиардов точек! Вы представляете – более чем четырех миллиардов точек!

– Ну ладно, я могу представить, что некоторые животные имеют феноменальную память. Птицы, по крайней мере, запоминают тысячекilометровые маршруты, лососи и другие рыбы тоже. Но как ваши раки передают информацию друг другу и людям?

Смирнов молчал, смущенно поглядывая на Романа Аркадьевича

– Вы что так смотрите? – удивился тот.

– Там, у меня в рюкзаке бутылка "Черного полковника". Ничего, если я немного выпью? Вас это не смутит?

– Пейте, пейте! – рассмеялся Роман Аркадьевич. – Меня

очень хорошо закодировали.

Евгений Евгеньевич вынул пластиковую полутора литровую бутылку и отпил глоток. Вино было горячим и потому безвкусным. Жалел об этом он недолго – крепости вино не потеряло.

– Так на чем мы с вами остановились? – спросил он, закулив и откинувшись на рюкзак. Жизнь казалась ему райской штукой.

– Ну, я спрашивал, как раки передают информацию людям.

– Это так же просто, как на летней кухне приготовить из перебродившей алычовой бурды марочное виноградное вино типа этого "Черного полковника". Черт, чего я только не пил в своем путешествии! Знаете, купишь у доброй, симпатичной женщины на рынке бутылочку, попробуешь – райский напиток, амброзия. А утром не знаешь, куды бечь – люди ведь кругом загорают. Чего они только в эту бурду не добавляют! Белену, димедрол, эфедру, одеколон! А...

– Так как же раки передают информацию? – перебил его заинтригованный Роман Аркадьевич.

– Очень просто! Есть информация в голове у раков? Есть! А если она есть, то бишь объективно существует, то вынуть ее оттуда – это уже техническая задача, это – просто, это вам не Талмуд толковать.

– Так как же вы ее вынули эту информацию?

Смирнов хлебнул из бутылки и скривился. Алкоголь уже

вовсю резвился в его крови, и теперь ему хотелось еще и вкуса.

– Ну, это просто! – сказал он, вставая. – Попробуйте сами сообразить. Представьте себя младшим научным сотрудником с окладом сто тридцать рублей – у Владика Иванова-Ртищева именно такое звание было и такой оклад, когда он эту задачку в курилке принципиально решил – и сообразите...

Минуту он молчал – закапывал бутылку в тени коряги, завязшей в песке в зоне прибоя.

К Роману Аркадьевичу тем временем приблизился серьезный мальчик лет одиннадцати.

– Пап, тебя мама зовет! Окрошка уже готова. И баклажаны я на углях пожарил – сгореть могут.

– Пойдемте с нами обедать? – предложил Роман Аркадьевич Смирнову, когда тот вернулся.

– Спасибо, мне уже идти надо. Меня в дельфинарии на Утришском мысу ждут. Там дельфин по имени Синяя Красотка неделю назад такое выдал...

– Что выдал? – заинтересовался Роман Аркадьевич.

– Он сказал, то есть передал своему дрессировщику, что хотел бы иметь от него...

– Иди, Митенька, к маме, скажи, что я через десять минут приду.

– А дельфины и в самом деле говорят? – уже уходя, обернулся мальчик.

– Конечно. У них около четырехсот слов и понятий. Это много больше, чем у некоторых диких народов Амазонки и Василия Васильевича, моего соседа по лестничной площадке.

– И вы их понимаете?

– Каце оооооу о.

Мальчик был поражен.

– Что вы сказали??

– Каце оооооу о – это "понимаю" по-дельфиньи. "Понимаю" с иронической окраской, которую придает финальное "о". А предекатив "каце" выражает род, в данном случае, мужской, у них всякое слово имеет род. Кстати, лучше меня язык дельфинов знает только один человек. Сейчас он читает на нем лекции в Штатах, в Массачусетском университете. Десять тысяч долларов за час ему платят, вы представляете?

– Иди, сынок, иди к маме! У нас серьезный разговор.

Мальчик, повторяя "Каце оооооу о", ушел.

– И что, эта Синяя Красотка действительно сказала дрессировщику, что хочет иметь от него детей? – проводив его взглядом, спросил Роман Аркадьевич недоверчиво.

– Да, она действительно сказала своему дрессировщику, что хочет иметь от него детей и знает, как это сделать. В научном мире это заявление вызвало переполох.

– Переполох!?

– Да, научный переполох. Доктор Каваленкер, его еще в шутку Бронетанкером зовут, весьма известный и пробив-

ной ученый, занимающийся вирулентной семантикой дельфиньего языка, заявил на ученом совете Президиума Академии Наук, что есть основания полагать, что заявление Синей красотки основано на некоторых знаниях, закрепленных в подсознании дельфинов со времен Атлантиды, и потому есть смысл провести эксперимент...

– Какой эксперимент? – расширил глаза Роман Аркадьевич.

– Вы что, не понимаете? – Президиум Академии наук решил ну... их... ну, как это по-русски сказать, спарить что ли...

– Дельфина с человеком?!

– Да, а что тут такого? Президиум решил, мне позвонили и попросили прибыть на Утриш к концу месяца, чтобы я поговорил с дельфином начистоту. Дрессировщик мог и ошибиться, или просто соврать, чтобы привлечь к своему аттракциону нездоровое внимание праздной отдыхающей публики...

– Да, дела... – закачал головой Роман Аркадьевич. – А как вы думаете, это и в самом деле возможно?

– Скрещивание человека с дельфином?

– Да.

– Знаете, я до конца в этом не уверен. Есть у меня кое-какие соображения на этот счет. Но, надо сказать, я внимательно прочитал статью Бронетанкера, и у меня появились сомнения в своей правоте. Но в науке, знаете ли, на веру ни-

чего не принимается. Все должно проверяться экспериментально, и не раз проверяться. Каце ооуоо, маце ууоуу о ат ла, как говорят дельфины.

– Занятно...

– Да уж. Наука – это что-то. Знаете, я в Душанбе учился и мой одноклассник, таджик, плохо говоривший по-русски, как-то читал Крылова: "Лебедь раком щуку" и так далее. Мы смеялись, но кто знает, может, через сто лет смех над подобной оплошностью вызовет недоумение...

– А как же все-таки насчет короткохвостых раков-шпионов? – недоуменно посмотрев, продолжал спрашивать вятич. – Как все-таки они передают информацию?

– Очень просто. Иванов-Ртищев как-то в курилке сказал глубокомысленно, что если у раков в голове действительно хранится огромный объем информации, то, скорее всего, они не могут ею не обмениваться. Ну, представьте, что вы много знаете? Представьте, что ваш мозг распирает четыре миллиарда бит разнороднейшей информации! Или точнее, что вы – это печка-буржуйка, докрасна раскаленная информацией. Конечно же, она должна ее излучать.

– Получается, что они переговариваются друг с другом?

– Да. Они стучат зубами. Слышали, когда-нибудь, как крабы стучат зубами?

– Нет.

– Хотите послушать? Я могу поймать вам одного.

– Не надо, я и так верю. Так вы говорите, они передают

информацию стуком, как передают морзянку?

– Да. Но гораздо быстрее. Они стучат зубами сто тысяч раз в секунду. И содержание картины Карла Брюллова "Гибель Помпеи" они могут передать соплеменнику всего за десять часов. За десять часов с точностью триста точек на дюйм.

– Мне пора идти, но мне очень хочется узнать, что вы имели в виду, когда сказали, что у вас был договор с этим крабом, – Роман Аркадьевич указал пальцем на то, что осталось от самого большого короткохвостого рака.

– Договор с раком?!

– Ну да. Вы же говорили?

– Что говорил?

– Ну, что условились с ним, что съедите его вместе с женой и сыном.

Смирнов заморгал.

– Вы это для смеха придумали? – догадался Роман Аркадьевич. – Как и все остальное, про дельфинов и крабов?

– Неужели вы не поняли, что мне не хочется говорить об этом? Я уехал от всего этого из Москвы...

Смирнов сделал лицо несчастным, отвернулся к морю и попытался завершить разговор:

– Вам пора, Роман Аркадьевич, окрошка выкипит на солнце, а меня Синяя Красотка заждалась...

– Ничего с окрошкой не станет – смотрите, вон, Митенька ее в котелке нам несет.

Смирнов посмотрел и увидел сына Романа Аркадьевича.

Тот приближался с туристским котелком в одной руке и пластиковым пакетом в другой.

– Похоже, жена у вас золото, – завистливо проговорил Смирнов.

– Что есть, то есть, – застенчиво заулыбался Роман Аркадьевич. – И жена, и сын, и дочь у меня на зависть всем.

Спустя минуту между Смирновым и Романом Аркадьевичем на клеенке с ананасами стоял котелок с окрошкой и пластиковая тарелочка с печеными на углях баклажанами. Во второй тарелочке лежали ровно порезанный белый хлеб и две большие металлические ложки.

Окрошка оказалось холодной и вкусной. Вино остыло и приобрело более-менее естественный вкус.

– Ну, так как вы договаривались с крабами? – спросил Роман Аркадьевич, когда с едой было покончено.

Смирнов достал сигарету, закурил. Солнце закрыло большое облако, и стало совсем хорошо.

– Это долгая история... – начал он, расположившись удобнее. – Как вы уже, наверное, догадались, я не женат, уже который раз не женат. Нет, я, наверное, женился бы, если бы не Жанна Сергеевна...

– А кто она такая? – не смог вытерпеть паузы Роман Аркадьевич.

– Жанна Сергеевна – начальник химической лаборатории нашего института. Вы не представляете, какая это выдающаяся женщина...

– Красивая?..

– Красивая – это мало сказать... Красивая, породистая, сексапильная, умная, добрая, остроумная, находчивая, строгая... Прибавьте ко всему этому еще родинку над правой грудью, интимную такую, малюсенькую родинку... И крохотный изюмистый шрамик точно там, где брахманы себе кляксу ставят. Все у нее, короче, по теме, хоть и одевается безвкусно и бижутерию копейную любит. Короче, вцепилась она в меня своими этими клешнями, ну, кроме бижутерии и желтых штанов, конечно, и ни туда мне, ни сюда. Как почувствует, что у меня на стороне интимные отношения образуются, так сразу цап-царап. Пригласит к себе в кабинет, к груди прижмет, поцелует жарко, нальет коктейля из своей органической химии, запрется на ключик, и час я на облаках... Да таких облаках, что неделю после них ни о чем и мечтать невозможно. После нее любая женщина на полдня как воздух невидимой становилась...

– Ну и женились бы, если она такая...

– Конечно, женился бы... Но она замужем, и муж – инвалид. Представляете, на собственной свадьбе позвоночник сломал и обездвижил навеки. Спускались они из ресторана к машине с куклами, так он то ли запутался в ее шлейфе, то ли нога в бантик на подоле попала, то ли просто в глазах ее утонул своим жениховским вниманием – и бряк на ступеньки. Жанна Сергеевна всегда навзрыд плачет, когда об этом рассказывает. Они даже не спали не разу, представляете?

– А втроем жить не пробовали?

– Как же не пробовали! Пробовали... Неделю я продержался...

– А почему всего неделю?

– Ну, вы же знаете, у человека, если одно чувство отключается, то другое обостряется...

– Да, знаю, – грустно покивал Роман Аркадьевич.

– Так у Владислава Андреевича слух и обоняние обострились... Он своим носом все слышал. Разденется Жанна в соседней комнате – он слышит. А как не слышать – запах-то у нее, ой, какой! Божественный...

Смирнов, недавно прочитавший "Парфюмера", прикрыл глаза, медленно втянул в легкие воздух. Ноздри его трепетали от вожделения.

– И все по-своему пахнет, – продолжил он мечтательно. – Ручка, животик, груди... Да, груди... Одна, знаете ли, лесной земляничкой чуть-чуть, а другая вовсю майским вечером. А как все остальное! Вы понимаете, что я имею в виду... Полуобморочно, сладко полуобморочно... О, Господи, что же я так разоткровенничался? Я вас не шокирую своей открытостью? Не кажусь беспринципным?

– Да нет, – пожал плечами Роман Аркадьевич, немного недовольный тем, что Смирнов завершил свои интимные реминисценции. – Вот только я не пойму, как вы от этих запахов ушли? Не хотели мучить инвалида?

– Инвалида... – повторил Смирнов, неприязненно скри-

вив губы. – Однажды утром, когда она его на утку сажала, этот инвалид, желчно улыбаясь, рассказал, что между нами в прошедшую ночь было. Куда я ее целовал, куда она меня, что она делала, что я, и сколько. Да так подробно и с деталями, как будто своими глазами все видел. А ведь от нашей с Жанной спальни до его спальни – метров десять с тремя поворотами и тремя дверьми... Короче, не смог я интимной жизнью под наблюдением жить, не смог на него, несчастного, смотреть – на ужин она ведь его выкатывала, и он ел меня, глазами ел, – не смог жить жалостью, и ушел, малодушный и сам себе противный.

– Я вас понимаю... – проговорил Роман Аркадьевич, находясь мыслями и обонянием в доме Жанны Сергеевны. – Но вы все время уходите от истории с крабами.

– Ничего я не ухажу. После ухода от Жанны, я взял отпуск и уехал в Железноводск водички попить от такой нервной жизни. И там познакомился с очаровательной саратовчанкой Ларисой. Они с Жанной были как лед и пламень, как плюс и минус, в общем, были диаметрально разными. Нет, не подумайте, Лариса тоже была красива, сексапильна, породиста, умна и добра, но как-то по-другому. Жанна, знаете ли, больше снаружи красива была, а Лариса вся изнутри светилась...

– Почему вы говорите о них "была"? Они умерли? – округлил глаза Роман Аркадьевич.

– Да... Одна фактически, а другая виртуально, – почернел Смирнов и, торопливо закурив, продолжил:

– Короче, влюбился я до потери твердости голоса. Вы не представляете, как мы гуляли по окрестностям Железноводска. Целовались на скамеечках, лицо к лицу вино вкусное в кафешках пили... Пили, пьянея от любви, в чаши уходили, кизил кушали из ладошек, рука в руке шли, решали, сколько мальчиков заведем, сколько девочек, куда отдыхать будем ездить... Потом в Москву я ее увез. В свое Люблино. Вы не представляете, как моя холостяцкая квартирка преобразилась! Она вмиг все переставила, с моей помощью, конечно, занавески повесила, все вычистила. Я и вообразить не мог, что мое гнездышко может превратиться в Эдем, тем более, я, честно, говоря, считал его весьма уютным и хорошо приспособленным, как для умственной, так и фактической жизни...

– А как Жанна Сергеевна?

– Когда отпуск кончился – в науке он длинный, тридцать шесть рабочих дней – и я пришел на работу, все счастье мое прекратилось. Жанна Сергеевна увидела меня и, сразу все поняв, потащила в свой кабинет и там сказала, что отравится ядом, если я от нее уйду. И мужа своего отравит, чтобы в богадельне не жил.

– Да, запахи там, не позавидуешь...

Смирнов покивал замечанию и продолжил:

– И стали мы опять втроем жить – я, Лариса и Жанна...

– Втроем?!

– Ну да. Лариса, правда, об этом не знала. Ничего, справ-

лялся, тем более, в химической лаборатории с этими короткохвостыми раками работы стало много, и Жанна Сергеевна большую часть себя отдавала банкам, склянкам и прочим ретортам...

– Ну а крабы? Что за договор у вас с ними был?

– А вы слушайте. Я уже говорил, что в тот самый момент наш институт вплотную занялся короткохвостыми раками. Навезли их – вагон и маленькую тележку. Они по всем коридорам и комнатам туда-сюда лазали, в шкафах одежных на рукавах висели, сухари и печенье с чайных столиков воровали и даже в холодильники залазили. Короче, везде они были – маленькие и большие, серые и коричневые. И как-то в пятницу я одного маленького домой в дипломате принес. Он как таракан в него заскочил, я не заметил и принес. И зря, надо было его в сугроб вытрясти...

Смирнов замолчал, закурил сигарету и сразу же о ней забыв, напряженно уставился в горизонт.

– А что он у вас наделал?

– Ничего он не наделал. Ел мясо, как лошадь, бегал туда-сюда, на занавесках висел. В ванну прыгал... И смотрел, паразит, смотрел. А нам с Ларисой хорошо было, мы часто этим самым занимались. На полу, на кровати, на диване, в прихожей, в ванной... А он сядет удобно так, чтоб все видно было, и смотрит, смотрит, глазками своими крутя. Иногда я даже кончить из-за этого никак не мог...

– Ну, краб тут, скорее всего, не причем. Если вы по три

раза на дню этим занимались, да еще в лаборатории на полставки, то, скорее всего, дело именно в этом.

– Может быть, вы и правы, но, сами понимаете, мне было на кого сваливать мелкие неприятности, и я сваливал... Однако, в целом, жили мы довольно-таки хорошо, если не сказать лучше всех. Но однажды, через месяц после того, как этот короткохвостый паразит у меня поселился, – Смирнов, брезгливо морщась, указал на останки съеденного им краба, – мне что-то не по себе стало. Вы знаете, у меня интуиция неплохо развита, и я остро почувствовал, что он готовит мне горе, неизбежное горе, которое всю оставшуюся жизнь будет сидеть у меня в печенках... Я взял его за панцирь, крепко взял – у него даже конечности повисли, и поклялся, что зверски съем его и всех его ближайших родственников, если он мне гадость какую сделает.

Но он сделал. Не осознанно, но сделал. Представляете, – вот мистика! – на следующий же день крабы в институте начали один за другимдохнуть от какой-то неизвестной аденовирусной болезни. А мы как раз вплотную подобрались к решению задачи съема информации с памяти короткохвостых, точнее, эта задача была уже решена и решена, как ни странно Жанной Сергеевной. Это она придумала помещать крабов в атмосферу, содержащую пары этилового спирта, да, да, этилового спирта, не смейтесь – все великое просто, а иногда и вульгарно. Короче, задача съема информации была решена, как всегда, случайно – мензурка со спиртом разбилась, и

капелька его попала в камеру цифрующего датчика, и оставалось только научиться записывать ее и выводить на периферию. И тут такое дело – сплошной падеж всех подряд короткохвостых. И надо же – зимой! Отечественные крабы все окоченели в зимней спячке, а купить зарубежных мы, сами понимаете, не могли – институт, хоть и номерной, но долларов в кассе не было ни одного. И надо же было дернуть меня за язык! Представляете, на Ученом совете я предложил коллегам пожертвовать науке своих домашних крабов – к тому времени они уже у всех сотрудников жили, и даже у их родственников и соседей.

Вы не представляете, какая буря поднялась – многие уже сжились со своими короткохвостыми меньшими братьями, имена им дали, – кстати, своего я Русликом-Сусликом назвал в честь морской свинки, прожившей у меня четыре с лишним года. А один научный сотрудник, как сплетничали в коридорах, даже, разводил их на продажу, то бишь на мясо – представляете, всю кухню аквариумами сверху донизу заставил и разводил. Не знаю, сколько он там зарабатывал – жадность – это жадность, ей деньги в принципе не важны, но отслюнил он одного дохлого крабика без одной клешни. Но все остальные принесли вполне приличных, некоторые, конечно, со слезами на глазах, но принесли, после дезинфекции институтских помещений, естественно. К вечеру следующего дня целых сто девяносто семь штук набрали...

– Вы опять уходите от темы...

– Да вот, ухожу... Хотя, что уходить – сто слов осталось сказать... А может, и меньше.

Смирнов замолчал. Он скорбел по системе Станиславского.

– Ну, говорите же, не томите! – взмолился Роман Аркадьевич.

– Через три дня Жанна Сергеевна покрылась пятнами и перестала меня замечать. А еще через день ее нашли мертвой в запертом кабинете – его пришлось взламывать. Она такую дозу цианистого калия приняла, что была вся синяя. И представьте картинку: стоим мы все вокруг нее, кто в трансе, кто всхлипывает, кто бледный, как хлористый натрий, кто спиртом халявным в порядок нервы прмводит, а этот научный сотрудник, ну, тот, который крабов на дому коммерчески разводил, Грум-Грижимайло его фамилия, между прочим, весьма известная научная фамилия, подходит к видеомagneтофону, нажимает кнопку...

– Ну и что? Почему вы замолчали?

– Потому что через десять секунд после этого я чуть не умер от разрыва сердца...

– А почему? Я ничего не пойму, – растерянно проговорил Роман Аркадьевич.

– Что же тут непонятного? На экране телевизора пошел трехчасовой, не меньше, порнографический фильм...

– Порнографический фильм!?

– Да. И главные роли в этом фильме играли я и Лариса.

– Как это?

– Да так... Жанна Сергеевна все вытащила из мозгов Руслика-Суслика. Представляете – все. И фильм, как вы, по-видимому, подумали, был отнюдь не черно-белым, а цветным и очень хорошего качества. И это еще не все. Фильм, как я говорил, был трехчасовым, и, пока мои коллеги, раззявив рты и забыв о холодеющей трупе заведующей лабораторией, смотрели, какие мы с Ларисой выделяваем коленца и позиции, я поехал к Жанне на квартиру. Дверь была заперта, но я не стал звонить, стучать, кричать, просто вызвал службу спасения, и в пять минут они вырезали замки...

– И что? Мужа она тоже убила?

– Да. Он тоже был синим... Но лицо у него было довольное. Жанна, наверное, ему сказала, перед тем, как яд дать, что на том свете у них все тип-топ будет, там ведь хребтов позвоночных нет, они душам ни к чему. Увидев его труп, я бросился назад в институт с единственной целью утопить в царской водке подлейшего из подлейших короткохвостых раков. Однако ничего у меня не вышло. Я узнал, что Жанна Сергеевна за день до смерти отправила Витю Ященко, своего лаборанта, на черноморское побережье Кавказа с приказом выпустить на волю. Зачем она эта сделала? – вы можете спросить. Не знаю. Может, потому что в его рачьей памяти был я, любимый ею человек? Когда лаборант вернулся, я поставил ему три бутылки водки, и, выпив, он рассказал, где выпустил подлеца, из-за которого погибла красивая женщи-

на в расцвете творческих и сексуальных сил. Найти его было несложно – всех институтских крабов мы кольцевали...

Минуту они молчали, переживая драму. Роман Аркадьевич смотрел в сторону

– Вы что затихли? Глаза отводите? – спросил, наконец, Смирнов. – Считаете меня виновником смерти Жанны и ее мужа?

– Ну, может быть, косвенным...

– Нет, вы считаете...

– Бог вам судья, – натянуто улыбнулся Роман Аркадьевич. – А что случилось с Ларисой? Вы говорили, что она умерла виртуально?

– Жадной она оказалась, и дурой к тому же, потому и умерла, для меня умерла. Больше всего на свете не люблю жадных дур, с тех пор не люблю...

– А что случилось?

– Смех и грех, а как вспомню, внутри все вянет и чернеет от злости. Представляете, через пару недель после этой истории мы с ней решили устроить праздник. На Госпремию, полученную за крабов, я купил Лоре новое белье, туфельки на высочайших каблуках, шампанского, естественно. И вот, только мы выпили по бокалу и в постельку легли, она мне говорит, вместо того, чтобы прижаться:

– Ми-и-луй, у меня для тебя сюрприз!

И давит на кнопку пульта... Вы все поняли?

– Нет...

– На наш интимный праздник она купила лицензионную кассету с порнографическим фильмом. Теперь вы поняли?

– Что-то доходит.

– Ну ладно, слушайте по буквам. Этот тип, Грум-Грижи-майло, ну, который крабами торговал, никому ничего не сказав, за большие деньги продал кассету Жанны Сергеевны в видеофирму, и эти беспринципные торгаши размножили ее огромным тиражом. И надо же было такому случиться, что Лариса купила именно нас.

– Из-за этого она ушла?!

– Да. Она меня бросила.

– Вот дура...

– Почему дура? Напротив... Увидев себя на экране, она, невзирая на мою принципиальную позицию и моления на коленях, в ту видеофирму работать пошла, порнографическая звезда она теперь по всей Европе и прочей Швеции. Меня приглашали ей в пару, по всей Москве преследовали, многомиллионные контракты предлагали, но я категорически отказался. За деньги задницу показывать? Не-е-т, не то у меня воспитание.

– Мне кажется, вы правы... Я бы тоже не показывал...

Некоторое время они молчали, потом Роман Аркадьевич засобирался:

– Ну ладушки, Евгений, до свидания. Я, пожалуй, пойду, час уже с вами беседуем, жена, наверное, уже сердится...

– Да, да, конечно. И знаете, что я вам скажу на проща-

ные...

– Что?

– Ваша жена – я это чувствую, – в тысячу раз лучше Жанны Сергеевны. Лучше, потому что у нее есть вы и ваши дети. Любите ее больше, доверяйте, и вас минуют жизненные трагедии. И еще, вы, наверное, поняли, что я несколько привирал... описывая достоинства своих женщин. Они, конечно, были заметными, но прекрасными их сделала моя любовь...

Роман Аркадьевич благодарно заулыбался. Когда Смирнов рассказывал о красоте Жанны Сергеевны и Ларисы, он испытал соблазн и вожделение несупружеской любви, ибо жена его была обычная по наружности женщина. Пожав руку Смирнову, он ушел, ни разу не оглянувшись.

– Счастливый человек, – думал ему вслед Смирнов. – А счастливому не надо ничего выдумывать – у него все есть.

6.

После завтрака Олег поехал к чтимой в Анапе гадалке с вопросом "Как можно обмануть смерть?"

Гадалка, одетая в черное – это была простая женщина с незаконченным техническим образованием из рязанской деревни Выселки – долго рассматривала его бледное лицо, его глаза, смотрящие то внутрь, то наружу, и ничего видящие. Она чувствовала, что этот человек запутался в жизни с самого рождения, а что может ждать человека, запутавшегося в пуповине жизни? Пуповине, тянущейся не только от матери, но и от отца, от его простоты и определенности. Только смерть может его ждать, ожидаемая смерть, смерть, привлеченная ее ожиданием.

– Это легко, сынок, – тепло улыбнулась она, когда Олег изложил свой непростой вопрос.

– А как? Говори, женщина, я хорошо заплачу.

– Чудо, только чудо может тебе помочь...

– Ты издеваешься?!

– Нет, что ты!

Олегу захотелось ее ударить.

– Я не могу надеяться на чудо. Надеяться на чудо, это означает сидеть, сложа руки.

– Ты не прав, сынок. Каждый человек на чуде замешан, и чудом этим живет и спасается. Не может он жить в простой

механике, в простой механике он медленно умирает, совсем умирает. А верующий в чудо, чудо, его скрепляющее, живет и на этом свете, и на том будет жить.

– Это все слова! – раздраженно махнул рукой Олег.

– Конечно, милый, конечно! Все – слова, потому что сначала было слово, а из него уже все появилось. Только слово может собрать в живительную капельку растворенное в человеке чудо.

– Не верю я тебе... Чудо, чудо... Тридцать первого четыре больших человека собираются выпустить мне кишки. Только случай, только дикий случай может меня спасти...

– А что такое случай? Это ведь тоже чудо. Чудо, которое произошло, потому что его ждали, потому что ожидание чуда напрягало воздух и делало его отзывчивым... Вот на той неделе такое чудо вылечило женщину, безнадежно больную. Я на это и не надеялась, но так получилось, потому что...

Гадалка замолчала, смущенно заулыбалась.

– Как получилось? – убил паузу Олег.

– Да просто получилось. Она сидела, как ты сидишь, я держала ее немощную руку в своей и читала заговор от смертельных болезней. И когда я сказала: "Как солнцу и месяцу помехи нет, так и моему заговору помехи не будет", на кухне моей что-то с грохотом упало, и тут же дождь прекратился, и появилось яркое солнце. И знаешь, солнце появилось не только на небе и в окне, но и на ее лице. Вчера она ко мне заходила с богатыми подарками и сказала, что врачи

удивлены быстрым отступлением болезни и не знают, как его объяснить. А я могу объяснить, это очень просто – ее чудом было то, что на кухне в ее час упал дуршлаг, в котором я перед ее приходом продувала макароны, – я его, торопясь, плохо повесила, – и то, что погода в этом году меняется, как твое настроение.

– Это все хорошо, – скептически скривился Олег, – но чудо оно тем и чудо, что не с каждым случается.

– С каждым, сынок, с каждым, – ясно улыбнулась гадалка. – Я же тебе говорила, что у каждого свое чудо. Просто некоторые его не замечают, а чудо интерес любит.

– Ну ладно, бог с ним, с чудом. Ты скажи прямо, буду я жив через месяц?

– Не скажу, сынок, не скажу.

– Почему?

– Потому что если я прознаю все в точности, и тебе поведаю, то ты что-нибудь не так поймешь и сделаешь, и получится, что я соврала.

Олег задумался, в его лице проступило что-то детское, и гадалка жалостливо вздохнула:

– Чувствую, сынок, здорово тебя вороги обложили. Сильны, они изворотливы, и удача с ними...

– Так, значит, всё, конец... – почернел Олег

– Нет, не все, – неопределенно глянула женщина. – Я чувствую, появиться в твоём сердце что-то такое, что тебе сейчас не хватает. Сильно не хватает. Очень скоро увидишь ты

ниточку, можешь увидеть, и она приведет тебя туда, куда ты хочешь, к особенной жизни приведет, особенной и чудесной. Поезд, в котором ты мчишься, замрет как приколотая бабочка, ты выскочишь из него, выскочишь и окажешься в окружающем мире серединкой. Окажешься и станешь думать, долго думать, и все вокруг уйдет за пелену радостной мысли. Жди, сыночек, свое чудо, жди, и оно непременно придет.

Направляясь к гадалке, Олег намеревался дать ей сто долларов, но дал пятьдесят. И то на всякий случай, чтобы не околдовала.

7.

В двух километрах севернее Бетты случился казус.

В середине дня, в самую жару, ему захотелось чаю. Не обнаружив в береговых скалах родничков, он, донельзя замощанный десятикилометровым переходом, поперся вверх по первой попавшейся щели в расчете набрать воды в ближайшем пансионате. Далеко идти не пришлось – на его счастье в лесочке, примыкавшем к обрыву, обнаружился небольшой бетонный резервуар, полный питьевой воды. Найдя полутора литровую бутылку от "Пепси-колы", Смирнов наполнил ее из краника, питавшего емкость, и спустился к морю. Спустя несколько минут он сидел у костра и нетерпеливо ждал, пока закипит вода в кастрюльке.

Она никак не закипала.

Сухой плавник, щедро добавленный в огонь, сгорел без толку.

– Градусов восемьдесят есть – достаточно, – решил он, сыпя чай. – На Памире она кипит при семидесяти.

Вода, приняв в себя заварку, забурлила и... осталась прозрачной.

– Черт знает что! Что за дрянь я набрал?! – чертыхнулся Смирнов, хлебнул из бутылки и... опрометью помчался к морю.

Оказалось, что из краника в резервуар бежала не вода, а

крепкий раствор хлорной извести. Или хлорная вода...

Однако все обошлось. Похрустев известью, образовавшейся в результате реакции раствора со слюной (или хлорной воды с зубами), он напился морской воды, а потом портвейна. На следующее утро немного поболели почки, да пару дней было противно во рту. Противно было и на душе. Из-за собственной глупости.

Километрах в восьми севернее Криницы он остановился. Он не смог не остановиться – в узкой щели, завершавшейся трехметровым водопадом, и в которую можно было подняться лишь с помощью изжеванного прибоем каната десятиметровой длины, была баня с бассейном.

Она представляла собой капитальную печь-каменку, окруженную на совесть сбитым дощатым каркасом; его облекала хорошо сохранившаяся целлофановая пленка. В бане было все – крепкая скамейка, большое цинковое ведро для нагрева воды, две шайки из половинок пластиковых канистр, березовый веник, ковшик для поддачи, даже туалетное мыло. Над бассейном, представлявшим собой очищенное от наносов естественное углубление в скальном ложе ручья, протягивался врез; на нем в профессиональном нетерпении томились топчаны для отдыха.

Щель была небольшой, всего лишь с тремя неширокими площадками под двухместные палатки. Смирнов расположился поближе к морю, на той из них, которая, укрывшись двумя обожженными пожаром соснами, висела над са-

мым обрывом, устроился, понаблюдав природу, чувствующая себя приподнято, и пожалел, что продуктов у него всего лишь на день.

Однако жалел Евгений Евгеньевич недолго. Обследовав площадки, соединенные ступенчатыми переходами и тропками, он обнаружил один погреб и два продуктовых ящика, прикрытых крышками. В них нашлись мятая, но не потерявшая герметичности банка говяжьего паштета, десяток бульонных кубиков, пачка вермишели с запахом курицы, полпачки спагетти, полкило ядрицы и банка томатного соуса. А вино у него было.

Вечером он сидел у огня, попивал из "рыбьей" кружки вкусную "Изабеллу" и сокрушался, что прошлогодние ливни и вызванные ими грязекаменные потоки принудили постоянных обитателей щели остаться дома или искать безопасные места. На Кипре, в Турции, Хургаде. Если бы не ставшие обычными природные катаклизмы, то сидел бы он сейчас в кругу близких по духу, сидел бы и смотрел на костер и, конечно же, на женщин. И непременно высмотрел бы среди их особенную, с искоркой в глазах, такой искренне объединяющей искоркой.

Все следующее утро он собирал по всей щели мусор и топил им печь. Когда мусора не стало, перешел на сосновый хворост и плавник. К обеду камни так накалились, что жара хватило до вечера. Он был счастлив, окропляя их водой и парясь, он был счастлив, отдыхая голышом на топчане и

смотря на безмятежно голубеющее море и поскрипывающие
от удовольствия сосны.

8.

От гадалки Олег поехал в казино и выиграл в рулетку пятьдесят с лишним тысяч рублей. В полной мере порадоваться знаменательной удаче ему не удалось – когда он рассовывал фишки по карманам, к нему подкрался Георгий Капанадзе.

– Не туда ты их складываешь, не туда, – добродушно сказал он, положив должнику руку на плечо. – Сюда надо складывать, сюда.

И указал ухоженным пальцем на карман своего малинового пиджака.

Олег выполнил приказ, весь покрывшись пятнами от злости и стыда: сцену, забыв о флеш-роялях, шампанском, скачущих костяных шариках, красных и черных полях, наблюдали все присутствующие в зале и, конечно же, лупоглазые телохранители обманутого им человека. Сам Капанадзе смотрел на него, как удав смотрит на кролика, уже потерявшего волю и мечтающего скорее забыться в бесконечной черноте распахнутой змеиной пасти.

С Георгием Капанадзе получилось нехорошо, глупо по-

лучилось. Олег пришел к нему, заинтригованный деловым предложением некоего средне-восточного предпринимателя. Предложение со всех сторон казалось чрезвычайно выгодным и беспроигрышным, и он не сомневался, что один из богатейших людей края примет участие в деле. Однако Капанадзе, терзаемый интуицией, стал отказываться, но тут явился Гога Красный. Тот, начавший карьеру вульгарным рыночным рэкетиром, заверил осторожного грузина, что прикроет дело со своей стороны, а также войдет в долю.

Олег знал, что Красный люто недолюбливает его за аристократичный вид и голубоватую кровь, по семейному преданию доставшиеся от одного из королей Болгарии. Ему бы подумать, посмотреть в глаза тайного недоброжелателя, затеять паузу, но, ломая скептицизм Капанадзе, он увлекся. И Гога погубил потомка незаконнорожденного сына балканского монарха, погубил всего за полмиллиона долларов – не прошло и месяца, как один из самых богатых людей города залетел на десять миллионов, а Напалков и Дементьев, в авральном порядке привлеченные позже, на три каждый.

Для всех четверых, бурно ликовавших тому, что обошлось без объяснений с ФСБ и ЦРУ, это были относительно небольшие деньги. Все бы, наверно, обошлось, если бы перед заключением соглашения нервничавший Капанадзе, пошептавшись с Гогой, не утратил своей обычной интеллигентности и не сказал, что в случае дефолта он "самолично изнасилует Олега при помощи вот этой штуки" и не указал на

кактус, торчавший в горшке рядом с его креслом (дело происходило в зимнем саду "Веги", изобиловавшем кактусами любимой Кареном формы).

– Это будет трудно, он колючий и толстый, но друзья мне помогут, – добавил грузин, пытаясь улыбнуться.

А Капанадзе всегда держал слово. Его за это уважали.

9.

Недалеко от Геленджика в середине ночи об него, спящего без задних ног в галечной берлоге, споткнулся человек с рюкзаком за спиной и половинкой дыни в руках. Когда пришелец очистился от кулеша – путник упал на кастрюлю, – они выпили (у Смирнова было) и разговорились.

Мужчина оказался москвичом из Подмосковья и бывшим наркоманом. Он рассказал, что с весны сидит в щели Темной, и что в молодости каждый год ездил в Среднюю Азию за маком, эфедрой и прочей травкой. Когда бутылка стала пустеть, а от дыни ничего не осталось, Афанасий (так звали мужчину) принялся читать свои стихи и читал их да утра. Смирнов, разбиравшийся в поэзии, был потрясен – оказалось, что ночью, в нескольких километрах от Геленджика, об него споткнулся и упал на кастрюлю с остатками кулеша талантливый и самобытный русский поэт.

Афанасий спешил встретить знакомую, приехавшую утром из Самары, и потому с рассветом ушел в дождь, пообещав, что перенесет, наконец, свои стихи на бумагу и отнесет их в редакцию.

Завтракая куском копченой колбасы и помидорами, Смирнов о нем думал. Обычное мужицкое лицо, ломкая фигура, длинные почерневшие зубы частоколом – и поэт, от бога поэт.

10.

Кролик, потерявший волю, сел в "Мерседес" и, не включив фар, помчался в никуда. Дорога не освещалась, и на выезде из Анапы на полном ходу машина подбросила в воздух полную женщину, переходившую дорогу с сумками в руках. Кленки у нее были бугристо-артритными, лицо, обрамленное клетчатым платком – серым и неприятным.

Олег ощерился бешено – кролик, потерявший волю, почувствовал себя машинистом скорого поезда Смерти.

По лобовому стеклу смачно стекала кровь женщины и кровь помидоров, бывших у нее в сумке. За окнами стояла мертвая ночь, и захотелось убить еще.

Сузив глаза, он прибавил скорость.

Он слышал, как стучат колеса пустых вагонов, пока пустых – та-та-та, та-та-та.

Через пару километров, в поселке Чембурка, в один из них сел велосипедист.

Потом девушка с парнем.

Они целовались посередине дороги. На ней была коротенькая малиновая юбчонка. Он был до смешного высок и худ.

Кровь их заляпала стекло. Пришлось включить дворники.
Через три километра он услышал сирену.

Посмотрел в зеркало

За ним мчался милицейский "Форд". И еще одна машина.

К которой Олег давно привык.

Это было занимательно. "Форд" против "Мерседеса".

Нет, "Форд" против скорого поезда смерти.

Кто кого?!

На вираже "американец" наехал на камень и вылетел в кювет.

Олег, обернувшись, огорчился – в его вагонах пассажиров не прибавилось.

Скорый поезд замер у въезда в Крымск. Его остановил "КАМАЗ", поставленный поперек дороги. И предупредительная очередь в воздух.

Машиниста не били. Наручников не надевали. Усталый милицейский капитан в бронежилете, буркнул в сторону:

– Капанадзе сказал, чтобы ты не нервничал. Там его люди, садись к ним и езжай. Машину завтра найдешь на стоянке "Веги".

В "Веге-плюс" было тихо.

Он выпил водки, понежился в джакузи, поужинал и лег к Галочке.

На ней была блестящая голубая ночная рубашка.

Сквозь нее было видно все.

Темный треугольник лобка.

Вздыбившиеся соски.

Жаркие бедра.

Она проснулась, прижалась к нему ласковой кошечкой.

Он, выказав недовольство нервным движением плеча, взял пульт, лежавший на малахитовой тумбочке (в номере все было под малахит), включил телевизор.

По местной программе шли ночные новости.

Дикторша взволнованно говорила:

– Этот необычно погожий летний вечер стал для нашего города поистине трагическим. В десять часов тридцать минут десятиклассники Марина Ковалева и Витя Шевченко покончили жизнь самоубийством. Несколько человек видели, как они, взявшись за руки, бросились под проходящую по шоссе машину. Десятью минутами раньше погибла женщина, перебежавшая дорогу в неположенном месте. Ее фамилия устанавливается. Примерно в тоже время на той же дороге был сбит Сапронюк Михаил Константинович, в нетрез-

вом виде ехавший в левом ряду на неисправном велосипеде. Опрошенные родственники признались, что послали его в магазин за пятой бутылкой водки...

Олег почернел от злости, оттолкнул Галочку, не ко времени предпринявшую несмелую попытку его обнять.

Этот Капанадзе делает все, что хочет!

Он присвоил его, Олега! Он присвоил его будущее, его жизнь, его смерть, он присвоил его поступки!

Что делать, черт побери?!

11.

В Геленджике снять комнату не получилось – как и в Адлере никто не хотел брать на постой одного человека. Или предлагали такое, что воротило душу. Или предлагали такие, что хотелось побыстрее уйти. Можно было, конечно, пройтись по окраинам и найти что-нибудь приличное. Однако Смирнову не захотелось ходить от дома к дому, угодливо заглядывая в оценивающие глаза (чего ему не было по вкусу, так это просить и нравиться), да и тянуло его на берег, привык он ночевать под небом и обычным предутренним дождем.

Город был памятным. После того, как десятилетний непоседа Женя, упав с сосны, десять минут повисел на железных кольях ограды, впившихся в грудь, мама три года подряд отправляла его в местный детский санаторий "Солнце". Конечно же, он не мог уйти, не побывав там, где прошли одни из лучших месяцев его жизни.

Санатория Смирнов не нашел. Люди, к которым он обращался, недоуменно пожимали плечами. Наконец одна старушка сказала, что, собственно, "молодой человек" и находится на том месте, где когда-то было "Солнце".

Смирнов оглянулся. Заросшие бурьяном развалины, обгоревшие стропила, несколько заколоченных домиков, презервативы в траве... Это было все, что осталось от лучших

его месяцев.

Поблагодарив старушку, он спустился к берегу и, наконец, узнал заповедник своего детства. Песчаники, бронирующие склон, – теперь эти слова ему были известны, – облупившийся памятник над ним, покрытые изумрудной тиной бетонные быки – остатки пирса, в войну отправлявшего торпедные катера на Малую Землю...

Он разделся, вошел в море, поплыл к дальнему быку. Взобрался, лег и... почувствовал себя десятилетним Женей.

Десятки лет, прожитые там, за горами, соскользнули с плеч струйками соленой воды. Все, что случилось с тех пор, как он впервые взобрался на этот скользкий бетонный куб, растворилось в застывшем воздухе.

Маленький Женя лежал на изумрудной тине, ласкаемой теплым морем, смотрел на памятник, на зеленый хребет, сокрывший горизонт, на молчаливого молдаванина Колю, одиноко сидевшего на берегу в странных своих шароварах.

Он ничего не хотел. Все, что растворилось в воздухе – работа, женщины, навязанные императивы, желание что-то сделать и сделанное – висело в нем невидимым инертным газом.

Детство ушло так же неожиданно, как и явилось – молдаванин Коля в странных шароварах растворился в мареве, и Евгений Евгеньевич увидел, что рядом с его вещами располагается компания из двух мужчин и двух молодых женщин.

Мужчины выглядели сонными. Они, – один пятидесяти-

летний, внушительный, другой – вдвое моложе и тоньше, – квело разделись и легли на принесенные цветные пористые коврики.

А женщины были полны энергии.

Они захватили внимание Смирнова.

Одетые в коротенькие цветастые платица, длинноволосые, не худые и не полные, они, оживленно переговариваясь и хохоча, расстелили на земле скатерку, побросали на нее разнокалиберные бутылки, снедь, большие зеленые яблоки и арбуз (упав на одну из бутылок, он треснул, развалился на части, яркая его мякоть обнажилась). Порадовавшись этому всплеску жизни, женщины, – рот нашего наблюдателя раскрылся, – мигом скинули платица – под ними ничего не было! – и пошли в воду.

Обниматься и целоваться они принялись у первого быка. И если и делали это демонстративно, то не для окружающих, а для всех на свете.

Одна из них была особенно хороша. Осиная талия, темные прямые волосы, темные чувственные (и видящие) глаза, родинка совсем как у всемирной красавицы Синди Кроуфорд, упругая, не кормившая еще грудь; она была в пассиве. Другая – крепенькая, голубоглазая, светловолосая в кудряшках – выглядела попроще и, может быть, потому ее влекло к первой.

Влюбленных рыбок они изображали до второго быка. Наткнувшись на него, взобрались с третьей или четвертой по-

пытки и возобновили свои игры уже на нем. Смирнов смотрел, охваченный противоречивыми чувствами.

Женщины, обнаженные и готовые к сексу, были всего в пяти метрах от него.

Красивые женщины.

Чужие женщины.

– Третьим будете?! – почувствовав его внимание (или био-поле), закричала голубоглазая.

– Да у вас есть кавалеры... – заинтересованно приподнялся Смирнов.

– Так они на берегу, – засмеялась черноволосая.

– И вряд ли сюда поплывут, – до слез захохотала вторая, – они – сухоплавающие!

– Да нет, спасибо, у меня ординарная ориентация.

– Ординарная это с кем? С женой? – голубоглазая "акала".

– Примерно.

– По-моему, это извращение, – с неприязнью посмотрела черноволосая в сторону берега.

"Мужик с брюхом – ее муж, – подумал Смирнов. – Или любовник. И он – сволочь, если не стал с такой женщиной счастливым".

Голубоглазая соскользнула в воду, поплыла к Смирнову. За ней бросилась черноволосая.

– Мы к... к вам в гости, – сказала первая, устраиваясь на быке Смирнова. – Меня зовут Серафима, а вас как?

От нее густо пахло коньяком.

– Женя... – ответил Евгений Евгеньевич, ничего не чувствуя, кроме мягкого бедра девушки. Очаровывающего бедра. Когда с другой стороны тоже пахнуло коньком, и тоже прикоснулась ляжка, такая же мяконькая, но совсем другая по внутреннему содержанию, он растерялся, покраснел (!), закрутил головой, смотря то на берег, то на девушек, то на их все плотнее и плотнее прижимавшиеся бедра.

– А что, муж...чина, вы... так попусту нерв...ничаете? – спросила Серафима, стараясь сладить с разбегающимися глазами.

Смирнов не нашелся с ответом, и девушки, моментально о нем забыв, принялись целоваться за его спиной.

–А вы откуда, Женя? – спросила Валентина, минуты через три положив ему голову на плечо.

– Из Москвы. – Смирнов боялся, что у него встанет.

– О, муж...чина! Как я хо...чу стать москви...чкой! – обняла его Серафима. – Давайте я вас поцелую. У-у-у...

Смирнов подставил щеку.

Серафима поцеловала.

Он включился. Пришлось прикрыть его руками.

– А кем вы работаете? – продолжала спрашивать черненькая, явно отстававшая от подружки на пару стаканов.

– Я – старший научный сотрудник.

Сказав, он вспомнил институт биолингвистики короткохвостых раков и криво улыбнулся.

– Бедня...жка... – едва не прослезилась Серафима.

Она подумала, что собеседник стыдится своей работы.

– А вы знаете, мне кажется, что я вас где-то видела, – отстраняясь, взглянула Валентина. Сочувствие виделось и в ее глазах.

Ответа не последовало. Женщина склонила голову и принялась алым ноготком рисовать что-то на плече Смирнова. Тот, сумев преодолеть его настойчивую попытку отодвинуть ладонь и взглянуть на женщину, пририсовал себе ноль:

– Возможно, вы видели мою фотографию на книжке. В "Черной Кошке" вышло три или четыре моих приключенческих романа.

– О, муж...чи-н-на! Вы писа-а-тель?! – благоговейно вскинула глаза Серафима.

"А неплохой коньяк они жрут", – подумал Смирнов и ответил:

– Да... По крайней мере, некоторые люди таким меня считают.

– О, я вас хочу муж...чина! – воскликнула Серафима и, крепко обняв писателя, повалилась с ним в воду.

На джентльменское освобождение от экстатического объятия ушло минуты три; две из них прошли под водой. Выскользнув, он поплыл к берегу.

– Они вас не обижали? – равнодушно спросил пятидесятилетний мужчина, когда Смирнов сел у своих вещей. Второй, укрывшись полотенцем, спал на животе.

– Да нет, – посмотрел Смирнов на девушек. Забыв обо

всем на свете, они целовались на мелководье. – А кем они вам приходятся?

– Черненькая – жена. А беленькая ее недавняя подружка. Давеча мы познакомились с ней в ресторане.

– И вы так спокойны?

Мужчина напомнил Смирнову шахматную фигуру из красного дерева. Искусно сделанная, но снятая с доски, она лежала на замусоренном берегу Черного моря.

– Такая жизнь кругом, – с полуулыбкой человек смотрел на девушек. – Сегодня ты жив, здоров, богат и известен, а завтра – нищ и болен, и не у кого занять на пулю, которой самое место в твоей голове. И потому нет смысла кого-то учить, поправлять, наказывать... Этот мир надо принимать таким, какой он есть. По крайней мере, я пытаюсь убедить себя в этом.

– Вы что, преступный элемент? Сегодня пан, а завтра пропан?

– Да нет, просто элемент. Элемент российской периодической системы.

– Вы имеете в виду номенклатурную систему элементов?

Мужчина сжал губы. Лицо его стало высокомерно-холодным, даже ледяным. Смирнов, участливо покивав, взялся перекладывать рюкзак. Когда он шел по городу, кастрюля надоедливо скребла аптечку, и пришла пора лишить ее права голоса.

– А вы, значит, путешествуете... – передумал дуться муж-

чина, пристально посмотрев на рюкзак, латанный белыми нитками.

– Да, вот, путешествую.

– Пешком, без палатки и спального мешка?

– А вы наблюдательны.

– Что есть, то есть. Давайте, что ли, познакомимся? Меня зовут Борис Петрович.

– А я Евгений Евгеньевич.

– Я вижу, вы свободны, не богаты, и вам нечего терять.

"Номенклатурный элемент" хотел задеть собеседника, которому все "до лампочки".

– Да, мне нечего терять, но центральная часть вашего заявления не вполне точна.

– Вы хотите сказать, что вы состоятельный человек?

Борис Петрович спросил по-генеральски, и Смирнов отвечал, не думая.

– Нет. Я просто имею возможность стать таковым.

– И как же?

– Наследство. Я могу получить солидное наследство. В середине пятидесятых моего деда по родному отцу – он был красным генералом – посмертно реабилитировали, и жене, то есть моей бабушке вернули все его имущество. В пятьдесят шестом она пошла с этим известием к другой моей бабушке, которую я называл тогда мамой, но та выпроводила ее, не выслушав. Месяц назад я случайно выкопал в Интернете, что у меня есть особняк в Москве, куча орденов, меда-

лей, золотого оружия и коллекция редких почтовых марок... Всего на несколько миллионов долларов...

Сказав последнюю фразу, Смирнов, огорчился. Надо же, развыступался. В такое время так трепаться перед незнакомыми людьми – это все равно, что стрелять себе в голову!

– Ну и почему вы не вступили в права владения?

– Сестры, – вздохнул Евгений Евгеньевич. – Оказывается, у меня есть две сводные сестры. Я так хочу их увидеть, но не могу... Боюсь.

– Почему?

– Ну, представьте, у вас есть две единокровные сестры, вы приходите к ним, весь такой взбудораженный, счастливый – ведь сестры, младшенькие – и видите у них в глазах глухую ненависть: "Ограбить пришел!" Или лисью решимость: "Ничего не получишь, и не надейся!"

– Вы так не верите в людей? Даже в родных? – Борис Петрович смотрел по-другому. Внук генерала – это внук генерала. Это ровня.

– Я – научный работник. Настоящий, смею думать. И потому слово "вера" и его производные в моем лексиконе отсутствуют.

– Нет, все-таки не верится. Вы могли бы не работать за гроши, не делать черт знает что, а ездить по миру с красивыми женщинами... Это, знаете ли, стоит небольшой разборки с единокровными сестричками.

– Это не самое главное... Тем более, я наводил справки и

узнал, что сестрички к моему возникновению на их горизонте отнесутся так, как я предполагал. И вообще, знаете, мне кажется, Бог не зря сделал меня таким, какой я есть. Добавьте в меня больше денег, счастья, везения, и я взорвусь, рассыплюсь, погибну, стану не своим человеком...

Мужчина нахмурился, отвернулся к морю. Валентина с Серафимой самозабвенно целовались на мелководье.

– Я вижу, вам досталось больше денег и счастья, чем нужно? – не смог не съязвить Смирнов.

Денег у его собеседника куры не клевали. На скатерке лежали килограмм копченой осетрины, большая банка черной икры, еще что-то крайне аппетитное и дорогое в красивых упаковках. И три бутылки марочного армянского коньяка минимум по тысяче рублей каждая.

– Знаете, что, давайте, выпьем за знакомство? – перевел мужчина разговор в практическую плоскость.

– Мне пора идти, – неискренне замялся Смирнов – черной икры он не ел лет десять. – Здесь ночевать стремно – люди кругом, и потому надо выбираться из города, а я не знаю, можно ли это сделать по берегу.

– Выберетесь! И вообще, давайте посидим, покупаемся, поговорим, а вечером поедем ко мне. Я живу под самыми горами в коттедже – не люблю правительственных дач с их дутым населением. Поедьте! Вымоетесь, поспите на мягком в комфортабельной спальне?

– Да я поспал бы и помылся... Но ваши женщины. Честно

говоря, я не знаю, как с ними себя вести.

– А вы ведите себя с ними так, как ведете себя с мухами. Давайте, подсаживайтесь.

К мухам Смирнов был равнодушен. В горах, обжитых ба-ранами, им было несть числа. Иной раз по сотне на лице сидели. Он перестал кокетничать и подсел. Женщины, увидев, что на берегу пьют коньяк, выскочили из воды. Черненькая села рядом с мужем. Беленькая, вся в каплях, обняла Смирнова сзади, зашептала в ухо:

– Я вас хочу, мужчина... Поедьте ко мне, не пожалеете...

Смирнов не знал, что делать. Выручил его тощий мужчина. Пробудившись, он сел рядом с Серафимой, взял со ска-терки бутылку и обыденно спросил:

– Тебе, конечно, полный стакан?

– Витя, ты киска! – заулыбалась та.

Через полчаса Серафима лыка не вязала. Смирнову при-ходилось удерживать ее за талию, потому что она опрокиды-валась то на него, то на достархан.

Разговор из-за этого не завязывался, и Виктор принялся рассказывать анекдоты. Борис Петрович смотрел на море, иногда посмеиваясь.

– Может быть, закончим с водными процедурами и по-едем? – спросил он Смирнова, когда запас анекдотов исто-щился.

Уже темнело, и тот согласился. Ехали, конечно, на сереб-ристом "BMW". Коттедж – красивое двухэтажное сооруже-

ние с готическими окнами, игрушечными башенками и балкончиками – располагался на целинной окраине города. Показав гостю комнату, Виктор ушел укладывать Серафиму, едва державшуюся на ногах.

Смирнов остался один. Вымылся в ванной. Посмотрел в окно.

Толстый мыс, Тонкий мыс.

Море степенно пьет из заливного блюдца.

Ему стало скучно. Жизнь не берегу была интереснее. Прошлой ночью с высоких геленджикских скал упал камень. И попал в яблочко, то есть в кастрюльку с остатками ужина, стоявшую в изголовье его берлоги. Пришлось трижды вспотеть, прежде чем прищелец был извлечен. Так что завтракал он из покореженной кастрюльки (недаром в пути она пыталась сговориться с аптечкой). А тут пушистые ковры, царская кровать и мягкая постель с запахом лаванды. И, как пить дать, утром будет кофе в постель.

В дверь постучали.

Он открыл.

Вошел Виктор с бутылкой коньяка и большой коробкой зефира в шоколаде. Постоял, узнавая побрившегося, расчесавшегося и переодевшегося Смирнова. Поставил бутылку в бар, и проговорил, неопределенно улыбаясь:

– Пошлите ужинать, Евгений Евгеньевич, хозяин зовет. Бабы, слава богу, спят.

Подмышкой у Виктора бугрилась пистолетная ручка.

– Спасибо, не хочу.

Смирнов неожиданно понял, что согласился переночевать у береговых знакомых в расчете на то, что ночью в его спальню забредет Серафима. Нет, Валентина. А они напились в дрезину и спят без задних ног.

– А что так? Там трюфели, заяц фаршированный, шампанское, устрицы с кулак, Борис Петрович специально для вас в ресторане заказал.

– Да не хочу я, спасибо.

– Шеф хотел с вами по душам поговорить. Он любит с такими, как вы разговаривать. От них, говорит, свежий ветер в голове.

– С какими это такими как я? – обиделся Смирнов.

– С умными, с умными.

– А кто он такой, этот Борис Петрович?

– Государственный человек, в МГИМО учился, связи кругом и с теми и с этими.

– Понятно. Крутой, значит, но Бетховена с Моцартом любит.

– Да, особенно Бетховена. Но у него сейчас проблемы. Если завтра его не назначат заместителем министра, это будет означать, что он должен подать в отставку.

– Понимаю... Из князей в грязи – это невыносимо. А вы его верный помощник?

– Да. Помощник, референт, лакей, сводник, телохранитель. Фигаро, короче или Труффальдино для одного госпо-

дина. Ну, так пойдёмте? Он нервный в эти дни и вообще не любит, когда ему отказывают, разозлиться может в корне.

– Выгонит, что ли среди ночи?

– Может, и выгонит. Позвонит в охрану и скажет, что наплевали в гостиной...

– Тогда я точно не пойду. С такими я не вожусь. И если бы вы знали, как меня на морской бережок тянет. Сейчас бы сидел у костра, на колокольчик резинки поглядывая. Знаете, какого я вчера окуня поймал? По локоть. Так обрадовался, что ерша не уважил, и укололся – два часа потом рука болела, как трактором передавленная.

– Ну ладно, скажу, что вы спите... А то пойдёмте? Трюфелей, надо думать, никогда не ели?

– Я много кое-чего не ел из вашего меню. А вы много кое-чего из моего.

– Чего это такого мы не ели? – поднял бровь "Фигаро".

– Ну, к примеру, головастиков-фри.

Виктор брезгливо сморщился.

– Головастиков-фри?

– Да, обжаренных в сливочном масле. Пальчики оближешь. Особенно если прямо из болота на сковородку.

Евгений Евгеньевич сглотнул слюну.

– А что еще мы не ели?

Смирнову захотелось остаться одному, и, подумав, он вспомнил подходящий случай:

– Это долгая история, но я расскажу. Однажды на Памире

у нас кончились продукты – в горах, в поисковых отрядах, мотающихся туда-сюда, это часто случается. Осталось только полмешка окаменевших заплесневелых каменных буханок, а до вертолета неделя. Оружие в те времена хлопотно было иметь, и стали мы сурков в петли ловить. А они, умные, почувствовали наш зверский аппетит и все, как один, залегли в своих норах. Весь сезон табунами бегали, а тут ни одного, хоть плачь! Наконец, через два дня один все-таки удавился... Дохлый такой, шерсть клочьями и блохи, с муху размером, тучей из него прыгают. Стал я его разделывать – шкуру снял, брюхо, блин, распорол. А там, представляете, солитёр, зеленый такой, длиннющий. Шевелился так недовольно, что без приглашения явился – они ведь гостей не любят, они сами любят в гости. Меня, клянусь, чуть не вырвало. А коллеги, проникнувшись таким моим неадекватным отношением к животному миру, поговорили, поговорили и решили выкинуть беднягу-сурка, конечно же, поручив это мне – я ж был с ним в непосредственном контакте. Ну, я и забросил его на камни подальше. В полете внутренности вместе с червяком вывалились – пришлось их закапывать. И знаете, что дальше было? Сплошная проза полевой жизни. Два дня мы ходили вокруг сурочьей тушки, а она провялилась на ветру, симпатичная такая стала, в общем, аппетитная почти. Собратья же бедняги вовсе исчезли, как ветром их сдуло. Короче, к вечеру третьего дня, когда буханки кончились, переглянулись мы с товарищами, потом порубили сурка на мелкие кусочки и

зажарили в его же жиру до красноты. И съели наперегонки, таким он вкусным оказался. Вот такие дела...

Смирнов внимательно посмотрел в глаза помощника Замминистра и, ядовито улыбаясь, произвел контрольный выстрел:

– Да, еще одна деталь. Сурок этот наверняка чумным был, а чуму эту блохи распространяют. Понимаете теперь, чем мы рисковали ради трех кусочков сурочьего жаркого? Рассказать еще что-нибудь? У меня много чего было по кулинарной части, до утра могу рассказывать. Вот гюрзы например, толстые, противные на вид, яд из них брызжет, а снимешь с них шкурку, то очень даже ничего...

– Не надо, гюрз, спасибо, – поморщился Виктор. – Кофе по утрам вы пьете?

– А кто принесет?

– Я.

– Нет, не пью.

– Тогда – до завтра. Встретимся в столовой, завтрак у нас приблизительно в десять. Если, конечно, не случится чего-то экстраординарного.

Виктор ушел. Смирнов погонял телевизор по каналам, попил коньяку с зефиром и лег спать.

Ему приснилось Серафима. Она лежала на нем, страстно вжимаясь грудями, всем своим жарким телом и жадно целовала в губы. Очувствовавшись, Смирнов перевалился на девушку – ему хотелось быть сверху и делать все самому – це-

ловать, обнимать, тереться, покусывать. Он был в восторге – столько времени у него не было женщины и вот, вознаграждение! Ему хотелось войти в нее, ощутить девушку изнутри, но он держался – знал, что после длительного воздержания быстро кончит и придется общаться. А как общаться с красавицей, которая знает пять слов, и четыре из них "Я вас хачу, мужчина"?

Когда он стал искать членом влагалище, Серафима засмеялась, выскользнула из-под него, скатилась на пол и, усевшись перед кроватью на коленки поманила пальчиком к себе. Смирнов пошел к женщине на четвереньках, но тут сзади на него набросились, оседлали. Он оглянулся – Валентина!!! Обнаженная, в глазах – чертовские искорки. Удобнее устроившись на Смирнове, она со всех сил шлепнула его по ягодице.

От шлепка он очнулся. С ужасом поняв, что и Серафима, и Валентина ему вовсе не снятся, направился к стулу за брюками. Когда сходил с кровати на пол, Валентина с него упала, громко ударившись лбом об основание трельяжа, истошно закричала от боли и испуга.

Серафима отгаскивала Смирнова от истерично отбивавшейся Валентины, у которой была рассечена бровь. Эту картину увидели два милиционера из охраны, прибежавшие на крик. И Борис Петрович, явившийся следом. Он был в радужных тапочках с голубыми помпончиками и длинном стеганом халате.

Обстоятельно запечатлев в сознании состав преступления, милиционеры вопросительно посмотрели на Бориса Петровича. Тот легким движением подбородка отправил их прочь. Женщинам он сказал:

– Пошли вон.

Лицо, шея, грудь Валентины были в крови. Серафима вытерла ее трусиками, смоченными туалетной водой; потом они ушли.

Борис Петрович сел в кожаное кресло. Жестом пригласил Смирнова занять место напротив.

Тот сел.

Борис Петрович долго смотрел на него исподлобья.

Смирнов обдумывал положение.

– Думаете, куда влипли и как выбраться? – спросил Борис Петрович.

Смирнов, смущенно глядя, покивал.

– Я думаю, ваши раздумья не приведут вас к правильному выводу...

– Почему?

– Во-первых, вы не знаете, что находитесь в комнате Валентины, моей, как вам известно, законной супруги.

Борис Петрович встал, подошел к шкафу, распахнул его и Смирнов увидел обольстительные платья на вешалках, околдовывающее белье на полочках и заворазивающие остроносые туфельки внизу.

Он нахмурился. Получалось, что не женщины пришли к

нему, а он к Валентине. Это две большие разницы.

Борис Петрович скривил лицо хозяйской улыбкой.

– Реакция адекватная, вы, и в самом деле, умница. Приятно иметь дело с умным человеком.

– Спасибо за комплимент, – автоматически сказал Смирнов, вглядываясь в глаза утопающего хозяина жизни.

– Я вижу, вы полагаете, что это я подстроил, – понял тот немой его вопрос. – Чепуха. Просто Валентина смогла добраться только до гостевой спальни, и Виктор поселил вас здесь.

– А чего я еще не знаю?

– Вечером мне позвонили из Москвы. Моя карьера кончена.

Смирнов задумался, глядя на Толстый мыс, сиявший огнями санаториев. "Прямо из Гоголя... Моя карьера кончена. То есть еще несколько дней в этом коттедже, и все. Никаких заседаний Правительства, никаких рукопожатий Президента, никакого телевидения и официальных поездок в Европу, никаких мигалок, дач и прочее. Вместо всего этого небольшая фирма, контролируемая бандитами, постоянно выключенный телевизор, чтобы не видеть "их" самодовольных рож, и мысли, мысли, безжалостно сжимающие сердце".

– Вы что молчите? – привлек Борис Петрович его взор.

– Я чувствую, вы попытаетесь в полной мере использовать власть надо мной, которую получили, по вашим словам, случайно. Дохнуть, так не одному, да?

– А это идея! Последний день жизни и полная власть над жизнью одного, нет, трех человек.

– Почему полная? Может, я предпочту тюрьму вашему обществу.

– Да, вы можете это сделать, я вижу. И потому постараюсь быть деликатнее, чтобы вы все не испортили.

– Постараетесь быть деликатнее в игре, со мной, мышкой?

– Ну да. Кстати, как вам Серафима?

– Она не далась.

– И Валентина тоже?

– До нее вообще дело не доходило. Спиной кое-что почувствовал и все.

Борис Петрович задумался. Если между Серафимой и Смирновым ничего не было, то изнасилование уже не пришьешь. Только попытку. А за попытку в Москве не пожалеют. И кинут на самое дно.

Смирнов пытался думать о Валентине. Ему было неловко, что все так получилось. Эта кровь... Хотелось к ней прикоснуться, попросить прощения. В ней было что-то такое. В ней было счастье. Где-то внутри. Небольшой такой сияющий слиточек. Небольшой, но весомый и дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.